

О ПУТЯХ ЖИЗНИ

(Общественное.)
Начало на 1-й стр.)
чтобы они, еще не старые, еще только стареющие люди, могли исправить ошибки и пройти остальное жизненное пути вместе. Супруг Марии Сергеевны окончательно уходит от нее, представшая собой безразличнейшей. Академик Кареев вдов. Узнав о его приезде, Мария Сергеевна волнуется, как волнуетесь перед встречей с судьбой, перед встречей с единственной любовью. Ведь все эти двадцать шесть лет они любили друг друга...

Но почему же, встретившись, они слова расходятся, — и теперь уже навсегда? И почему при этой встрече, столь горькой для обоих, моральное торжество не у него, а у ее стороны? Она и совершила когда-то такую роковую для себя ее, да и для его жизни ошибку?

Вот здесь, Леонов и ломает стройность возможной схемы, подчеркивая сложность, противоречивость, суровость реальной жизни. Он не награждает счастьем — «чужбому прощальную» любви ни того, ни другому. Он вовсе не прощает Марии Сергеевны ошибку ее юности.

И все же, и все же при всем этом, академику Карееву не удалось его, взлелеянное столетиями годами, моральное торжество над нами! Все дело именно в том, что пафосом всех его успехов, всей его жизни была мечта о личном торжестве, его раннее самолюбие, — да, при всех его больших заслугах и достижениях, так или иначе, а пафосом его жизни был он сам. Николай Степанович Кареев. Конечно, это вовсе не такой очевидный вариант жизни для себя, как, например, вариант его сына Юлия или других персонажей пьесы. Но все-таки главным в его жизни был он сам. Справедливость его мести превратилась в уродство, стала душевным горбом, вытравлившим живые соки его души. Вот какой он стал, иссушенный, опустошенный, очерствевший, вот какого холодного себялюбия воспитал он в лице своего Юлия, сам став себялюбцем! Да, стал мавпяком своей мести. Он не чувствует, не болеет рабами своего родного городка, страданиями, бедами, несправедливыми потерями людей, народным горем и народным торжеством: все заменили боль личного горя и мечта о личном торжестве. Но каким же оно оказывается уродливо-бедным, это неумное торжество, как подчеркиваются эти бедность и уродство горем и торжеством войны, народной бедой и народной победой! Он был когда-то нищим учителяшкой, — а сейчас он нищ душой. У полковника Березкина, у Тимоши — отнято многое войной, — но они душевно щедры и богаты.

И Мария Сергеевна Щелканова в решающую годину народных испытаний оказывается такой же богатой и щедрой, потому что жизнь ее была жизнью для людей. Она неразрывно связана со своим городком, с бедами и радостями всех его жителей, ее любят люди, она отдает им весь жар своей души. Она — с народом. И это — главное.

Но ведь Николай Степанович Кареев такой андкий, такой нужный человек! Мож-т быть, его личная неполноценность искупается целиком и полностью его трудом, столь необходимым Родине? Да, но бывает ли в жизни такое механическое разделение на личное и общественное? Себялюбие есть себялюбие, и если оно по каким-то ни было причинам разрослось в душе человека, то уже, конечно, скажется во всем. Вот своего дочерника-красавца сына он «спас» от войны, пристроив к своей особе в качестве секретаря, превратил его, юриста по профессии, в «юриста с геологическим уклоном», как невесело шутит он сам...

И тут ясно видно живое сплетение в тугой узел всех главных сюжетных мотивов пьесы: линии полковника Березкина и обоих «треугольников».

Полковник Березкин недаром выполнял наказ войны. Изображение в трусости Сергея Щелканова не только ускорило разрыв Марии Сергеевны со своим мужем: окончательно раскрыл перед нами всю ложь его подлой жизни, оно, изображение Сергея Щелканова, оказалось одновременно разоблачением и другой, гораздо более тонкой лжи: лжи жизни Кареева, в которой тоже господствует себялюбие и блеском «золотой кареты» прикрывается вариант дезертирства в лице Юлия. «Войн много, а сын у меня один» — ведь эта фраза, которую оправдывает Кареев тыловую геологическую доблесть своего сына-юриста, — подлая фраза. Разоблачение лжи жизни Сергея Щелканова помогло Марии Сергеевне увидеть, что счастье ее дочери с Юлием, который овет Марку с собой в «золотую карету», было бы всего-навсего вариантом ее, Марии Сергеевны, «счастья» с Сергеем Щелкановым. Ведь Юлий тоже представляет собою столько-то «килограммов мужской красоты» — вес нахлебничества, барства, трусости, эгоизма. И хотя у Марии Сергеевны силен страх за будущее дочери, которая, в конечном итоге, решит отдать жизнь слепому Тимоше — своей первой любви, — все же своим августейшим материнским инстинктом она готова санкционировать эту любовь. Так гнев и великодушные войны, воплощенные в образе полковника Березкина, помогли счастью солдата, бывшего танкиста Тимоши, у которого война, кажется, отняла все. Так и образ «золотой кареты» просвечивает в дальнем плане пьесы теперь уже не только в иронической окраске... И так сплетены в живое естественное единство все главные сюжетные мотивы. Композиция сама по себе бывает эстетической ценностью, вызывает впечатление красоты, художественности, когда она является цельной и точно отвечает внутренней сущности, поэзии произведения. То обстоятельство, что скрепляющим и движущим началом композиции, всего сюжетного хода пьесы является фигура полковника Березкина, с его безупречной справедливостью самой войны, как нельзя более точно выражает мысль, поэзию пьесы, ее героико-романтическое устремление и выраженную в ней высокую правду жизни.

ДАННАЯ СТАТЬЯ представляет собою лишь драматургическую, а не драматургически-театральную рецензию. Но нельзя не сказать о большом удаче Художественного театра, режиссура которого (П. Марков, В. Станицын, В. Орлов) так правильно, так глубоко и точно поняла пьесу. Спектакль получился цельный, спектакль большой мысли, больших страстей, с множеством отдельных удач. И прежде всего

хочется подчеркнуть два самых значительных по художественной силе, яркому и тонкому мастерству, высокой человечности и идейной значительности образы спектакля — полковника Березкина в исполнении В. Орлова и «фамир» Марк Семенович Рахума из Индии в исполнении Б. Петкера.

Все свое редкое артистическое обаяние, изумительный голос, передающий все оттенки солдатского гнева и солдатского великодушья, точность жеста, благородную простоту, все свои силы отдал В. Орлов своему действительно вдохновенному образу. Артист сумел создать совершенно конкретный индивидуальный характер, которому вершишь целиком, до конца, и вместе с тем выполнить функцию романтического выразителя авторских идей, носителя героического и трагического начала пьесы. Замечательно по своему художественному такту и естественности это трудное сочетание! В итоге образа полковника Березкина становится одним из наиболее значительных и обаятельных образов положительного героя на нашей сцене.

Фамир Рахум — это блеск и щедрость леоновской фантазии, это та неожиданность, тот юмор самой жизни, которые можно встретить только у большого художника. Почему вдруг в разоблаченном городке, в такое суровое время, появляется «фамир» Марк Семенович Рахума из Индии? Это вызывает много юмора. Но в ней много

и трагического. Война все отняла у Марии Семеновны: еще семья была расстреляна в «одном местечке» под названием Бабий Яр. Б. Петкеру удалось создать и комический, и скорбный, и высоко трагический образ. Образы, созданные В. Орловым и Б. Петкером, скульптурны по своей художественной законченности и выразительности.

Обаятелен светлый образ Тимоши в исполнении Л. Губанова. И очень точно и талантливо все другие образы спектакля, замечательная работа художника Л. Силыча, которой удалось передать атмосферу русского городка, самой России в грозные и тяжелые годы. Разве только хотелось бы пожелать еще большей гибкости, еще большего человеческого подтекста К. Еланской (Мария Сергеевна), особенно в сцене встречи с Кареевым. И хотелось бы пожелать Э. Поздняковой (Марье), несомненно одаренной актрисе, наделенной настоящим темпераментом, поменьше играть обаяние, поменьше восхищаться своей Марьей. Актрисе, к сожалению, не удалось передать внутреннюю значительность, своеобразие Марьи. А прием избегания на сцену с так называемым «звонким молодым смехом», слышимым еще за сценой, для подчеркивания того, что, дескать, «юность мчится с ней цветы, беззаботные улыбки, беззаветные мечты», — этот прием, право, не из первостатейных. «Далеко нет», — как говорит фамир Рахума.

Но все это сравнительно «мелочи жизни», и все это исправимо. А в целом — у зрителя большая радость и гордость за любимый театр и за Леонида Леонова.

Сцена из спектакля «Золотая карета» в постановке МХАТ. На снимке (слева) — Тимоша (арт. Л. Губанов) и Березкин (арт. В. Орлов). Фото А. Горнштейна